

DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-3-76-81

О.А. ВОЛОШИНА

Учение Ф.Ф. Fortunatova о частях речи в русском языке

В статье исследуется роль учения Ф.Ф. Fortunatova о частях речи в развитии грамматической теории XX в. Анализируются принципы fortunatovской классификации частей речи. Особое внимание уделено форме слова как основе классификации частей речи в индоевропейских языках. Рассматриваются точки зрения противников и сторонников fortunatovской классификации применительно к русскому языку.

Ключевые слова: *Ф.Ф. Fortunatov; части речи; форма слова; значение слова; грамматика; классификация частей речи*

Oksana V. Voloshina

F.F. Fortunatov's Concept about the Parts of Speech in the Russian Language

The article explores the role of F.F. Fortunatov's concept about parts of speech in the development of the 20th-century grammatical theory. The author analyses principles of classifying Parts of Speech proposed by Fortunatov. A particular attention is paid to the form of the word as a basis for the classification of Parts of Speech in Indo-European languages. The article considers the viewpoints of both opponents and supporters of Fortunatov's classification as applied to the Russian language.

Keywords: *F.F. Fortunatov; parts of speech; the form of the word; the meaning of the word; grammar; classification of parts of speech*

Филипп Федорович Fortunatov (1848–1914) по праву считается одним из основоположников научной лингвистической школы в нашей стране, поскольку именно в его трудах впервые в отечественной науке о языке был последовательно использован строго лингвистический метод для работы с языковым материалом. Обучаясь у Ф.И. Буслаева на историко-филологическом факультете, Ф.Ф. Fortunatov воодушевился представлением своего учителя о системном устройстве языка,

развивающегося по строгим законам, что позволяло исследовать закономерности устройства и функционирования языка научным методом. Именно Ф.И. Буслаев, впервые употребив термин *наука* по отношению к лингвистике, утверждал: «Действительно, можно изучать язык сам по себе и открывать в нем законы, наблюдать не то, что на нем выражается, а то, что живет и вращается в нем самом» [Буслаев 2010: 28]. Развивая идеи своего учителя, Fortunatov предложил рассматривать язык не только как средство выражения определенного содержания, не только как оболочку для мыслей, но и как самостоятельный научный объект со своими особенностями устройства и развития. Язык при таком подходе сам превращается в цель исследования, которое должно проводиться по определенному методу, ограничивающее (а в идеале и исключающее) субъективный подход в науке. Таким субъективизмом, по мнению ученых конца XIX в., страдали сочинения филологов, поскольку филологические исследования не имели четкого метода работы с материалом

Оксана Анатольевна Волошина, кандидат филологических наук, доцент кафедры Общего и сравнительно-исторического языкознания

E-mail: oxanav2005@mail.ru

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия

Moscow State Lomonosov University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Ссылка для цитирования: Волошина О.А. Учение Ф.Ф. Fortunatova о частях речи в русском языке // Русский язык в школе. – 2019. – № 3. – С. 76–81. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-3-76-81.

и целиком зависели от интересов и научного стиля конкретного исследователя.

Ф.Ф. Фортунатов провозглашает новый принцип лингвистических исследований — решать задачи языкознания при помощи строго научных лингвистических методов, не подменяя научный анализ языковых данных общими рассуждениями о природе и развитии языка. Эта позиция Фортунатова во многом определила развитие науки о языке в первой половине XX в. По его мнению, языкознание должно выработать точные приемы работы с материалом, получить в результате исследования объективные данные о принципах организации и развития любого языка, а на базе этих фактов сформулировать лингвистическую теорию. Как мы попробуем показать в предлагаемой статье, вся деятельность Ф.Ф. Фортунатова была направлена на решение этих задач, на постепенное превращение лингвистики в самостоятельную передовую науку.

В конце XIX в. в науке о языке еще не сложилось цельного представления о языке как объекте научного исследования, ведь разные области языковой структуры исследовались независимо друг от друга методами самых разных наук. Анализ звучащей речи опирался на артикуляционную (и активно разрабатываемую в конце XIX в. акустическую) характеристику звуков. Лексика была предметом исследований по «истории народов», поскольку в словах искали отражение бытовых реалий и различных представлений конкретного народа. Синтаксис опирался на логическое учение о языке, поэтому грамматисты упорно пытались отыскать логические категории в синтаксических конструкциях, а морфология (под названием *этимология*¹) представляла собой описание изменения форм слов, т.е. сводилась к перечню форм спряжения глагола и склонения существительного. Фортунатов настаивал на строгом противопоставлении метода изучения исторического изменения родственных языков, подробно разработанного в рамках сравнительно-исторического языкознания, и метода исследования системы

¹ Именно Ф.Ф. Фортунатов еще в лекционном курсе 1882—1883 гг. впервые использовал термин *морфология* вместо старого *этимология*, противопоставляя статический (синхронный) аспект историческому, ведь этимология изначально предполагала исследование исторического изменения формы слова.

языка, рассматриваемой вне исторического контекста. Заслуги Фортунатова-компаративиста хорошо известны; в контексте нашей работы хотелось бы рассказать о Фортунатове как о создателе новой лингвистической теории, получившей название фортунатовской формальной школы. В связи с широтой заявленной темы мы предполагаем остановиться лишь на одном, но очень показательном аспекте — на фортунатовском подходе к классификации частей речи, поскольку эта тема, как кажется, позволит выявить формальный принцип описания и классификации явлений языка в концепции Фортунатова. Поскольку внимание Фортунатова-компаративиста было сосредоточено на материале древних индоевропейских языков (в частности, санскрита), типологические особенности последних были положены в основу формирования лингвистической теории и служили ориентиром для характеристики других языков.

Русский язык, будучи родным языком Фортунатова, повлиял на становление его лингвистической теории. Как утверждают специалисты по истории языкознания, «можно привести немало примеров влияния строя базового языка на лингвистическое описание. Особенно они наглядны в области морфологии...» [Алпатов 2018: 215]. Русский язык по своим типологическим характеристикам, определившим лингвистическую теорию Фортунатова, был близок древним индоевропейским языкам. Очевидно, что для Фортунатова важнейшим механизмом, характеризующим индоевропейский языковой тип, является использование флексии как способа выражения грамматических значений. В русском языке также широко распространена эта форма выражения грамматической семантики: формы склонения русских имен существительных передают разные значения числа и падежа. Например, стена — им. п., ед. ч.; стены — род. п., ед. ч.; стенам — дат. п., мн. ч. и т.п. Аналогично изменяется личная форма глагола — глагольные флексии указывают на число и лицо.

Широко распространенный в древних индоевропейских языках (как и в русском языке) механизм выражения различных грамматических значений путем изменения формы слова (изменения флексии) позволил Фортунатову отнести русский язык к архаичному языковому типу древних индоевропейских языков и поставить

понятие формы слова во главе формальной теории языка. По Фортунатову, форма слова основывается на членении слова на две части: основу и флексию (в терминологии Фортунатова это основная и формальная принадлежность). Форма слов — это «способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова. Формальной принадлежностью слова является при этом та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова, как существующей в другом слове или в других словах с другой формальной принадлежностью, т.е. формальной принадлежностью слова образует данное слово, как видоизменение другого слова, имеющего ту же основную принадлежность с другой формальной принадлежностью» [Фортунатов 2010: 116–117]. Членение слова на две части позволяет объединить слова в разные классы — с общей основой или общей флексией:

собак-а мух-а
собак-у мух-у
собак-ой мух-ой и т.п.

Всякая форма в слове является общою для слов с различными основами и вместе с тем всякая форма в слове соотносительна с другой, т.е. предполагает существование другой формы, с другой формальной принадлежностью, но с теми же основами слов, т.е. с теми же их основными принадлежностями [Там же].

Очевидно, что «Фортунатов выводил понятие формы из соотнесенности грамматических элементов» [Березин 1968: 94].

Такой подход позволяет выделить отдельные морфемы, из которых состоит слово, и объединить слова в перекрещивающиеся классы, которые будут объединять однокоренные слова, слова с одинаковыми суффиксами и флексиями. Системный подход позволил Фортунатову выделить нулевой аффикс (например, в форме существительного мужского рода единственного числа именительного падежа — *кот-∅*), поскольку перечисленные грамматические значения должны быть формально выражены, как выражены значения родительного падежа единственного числа того же слова флексией *-а*: *кот-а*:

Формальная принадлежность в словах может быть не только положительной, но и отрицательной. ...Не только присутствие известного аффикса в сочетании с основами служит

для образования известной формы, но вследствие этого и отсутствие всякого аффикса при тех же основах в других словах образует также форму слов по отношению этих слов к словам, заключающим в себе те же основы в сочетании с аффиксами [Фортунатов 2010: 126].

Морфологический критерий, т.е. оформленность слов посредством аффиксов, стал важнейшим для Фортунатова при классификации частей речи в индоевропейских языках (а значит, и в русском). Не удивительно, что Фортунатов предлагает рассматривать форму слова как показатель отнесенности слова к определенной части речи.

Известно, что научная традиция, восходящая к античным учениям о языке (в частности, александрийская грамматика Дионисия Фракийского), предлагала рассматривать части речи как лексико-грамматические (точнее, семантико-морфологические) классы слов (см.: [Оленич 1980: 216–219]). Двойственная природа частей речи (характеристика по двум различным признакам — по формальному и семантическому) не устраивала Фортунатова. Пытаясь исправить положение и выстроить строгую логическую классификацию, он выдвигает важный научный принцип — классификация частей речи (как и любая научная классификация) должна строиться исключительно на одном критерии. В основу классификации Фортунатов предлагает положить морфологический принцип, т.е. форму слова.

Основная особенность формального подхода при классификации частей речи у Фортунатова заключается в том, что отличительные признаки частей речи он сводил к одному формальному критерию — наличию или отсутствию аффиксов в словах [Березин 1968: 98].

Части речи, по Фортунатову, грамматические (точнее, морфологические) классы слов, ведь каждая часть речи имеет свой набор флексий — морфологических показателей грамматического класса. «Присутствие в отдельных полных словах форм образует формальные, или грамматические, классы отдельных полных слов...» [Фортунатов 2010: 137]. При этом Фортунатов настаивает на четком разграничении частей речи как грамматических классов слов с классами неграмматическими, основанными на «классах значений слов; например, различие между словами-названиями и словами местоименными» [Там же: 137–138].

Фортунагов говорит о системе частей речи, унаследованной современными индоевропейскими языками от предшествующей эпохи общего праязыкового состояния:

В общеиндоевропейском языке в эпоху его распада различались следующие наиболее общие грамматические классы отдельных полных слов:

1) слова с формами словоизменения и 2) слова без форм словоизменения.

Первые, в свою очередь, подразделялись на известные грамматические классы по отношению к различиям в формах слов. В словах, имевших формы словоизменения, в общеиндоевропейском языке в эпоху его распада различались по отношению к таким формам: а) слова спрягаемые, глаголы в тесном смысле этого термина, т.е. слова, имевшие формы словоизменения, называемого спряжением, б) склоняемые слова, т.е. слова с формами словоизменения, называемого склонением, и в) прилагательные склоняемые слова, имевшие, кроме склонения, то словоизменение, которое называется «согласованием в роде» прилагательных слов, как обозначающих несамостоятельные предметы мысли, именно признаки вещей, предметов, с другими словами, как с существительными, т.е. как с обозначающими самостоятельные предметы мысли... [Фортунагов 2010: 138].

Таким образом, по Фортунагову, в общем индоевропейском праязыке можно выделить четыре знаменательные части речи:

1) глаголы — слова, которые спрягаются, т.е. имеют формы указания на число и лицо;

2) имена — слова, которые склоняются, т.е. имеют формы указания на число и падеж;

3) прилагательные — слова, которые согласуются с именем существительным в роде, числе и падеже, т.е. слова согласовательного класса;

4) неизменяемые слова.

Подобная классификация частей речи была создана на материале древних индоевропейских языков — языков с богатой морфологией, располагающей наборами флексий для разных частей речи. Индоевропейский праязык передал по наследству эту систему частей речи современному индоевропейскому языку, хотя Фортунагов, конечно, указывает на необходимость учета изменений, произошедших с языками с течением времени:

Различные индоевропейские языки вместе с формами отдельных полных слов получили

из общеиндоевропейского языка и известные грамматические классы полных слов, причем последние в связи с формами отдельных полных слов подверглись различным изменениям в жизни отдельных индоевропейских языков [Там же].

Тем не менее, общее наследство позволяет выделять в современных индоевропейских языках похожую систему частей речи. В частности, русский язык, по мнению последователей Фортунагова, демонстрирует древнейшую индоевропейскую систему частей речи с незначительными позднейшими изменениями.

Если проецировать классификацию Фортунагова на современный русский язык, то получится, что несклоняемые существительные (*пальто, кенгуру* и т.п.) попадут в 4-й класс неизменяемых слов к наречиям. Туда же нужно будет отнести неспрягаемые формы глагола, такие как инфинитив и деепричастие. Очевидно, что языковая интуиция говорящих противится такому делению, ведь получается, что *медведь* попадает в 1-й класс склоняемых существительных, а *кенгуру* — в 4-й класс неизменяемых слов.

Критики фортунаговской классификации считали его подход слишком узким и предлагали трактовать части речи как лексико-грамматические классы. Например, Л.В. Щерба пишет:

Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и **всех** ее формальных признаков. Не видя смысла, нельзя еще устанавливать формальных признаков, так как неизвестно, значат ли они что-либо, а следовательно, существуют ли они как таковые, и существует ли сама категория [Щерба 1957: 65].

С одной стороны, слова, имеющие одинаковую форму, могут относиться к разным частям речи: *кругом* может быть наречием или предложением. С другой стороны, «если мы знаем, что *какаду* — название птицы, мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное» [Там же: 66]. Получается, что *медведь* — существительное не потому, что склоняется (как у Фортунагова), а потому, что называет зверя, т.е. определяющим здесь становится не морфологический, а семантический признак.

Как уже было сказано, в класс неизменяемых слов у Фортунагова попадают не только наречия, но и несклоняемые

существительные, и неспрягаемые формы глагола (инфинитив, деепричастие и т.п.). Выступая против объединения таких разных с точки зрения семантики и синтаксических функций слов, Щерба предлагает выделять из категории наречий даже слова *нужно, пора, жаль* и др., объединяя эти слова с группой слов *холодно, весело* и др. в категорию состояния (предикативные наречия). «Формальными признаками этой категории были бы неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой — с другой: первым она отличалась бы от прилагательных и глаголов, а вторым — от наречий» [Там же: 74].

Классификация Щербы оказывается сложной, разветвленной и размытой. Ведь, с одной стороны, категории, выделяемые в языке, могут перекрещиваться: «одно и то же слово окажется одновременно подводимым под разные категории». С другой стороны, «нечего опасаться, что некоторые слова никуда не подойдут» (например, вводные слова) [Там же: 66]. Сложность классификации не должна смущать лингвистов, ведь, по мнению Щербы, «всякое упрощение, схематизация грозит разойтись с жизнью, а главная, перестает учить наблюдать жизнь и ее факты, перестает учить вдумываться в ее факты» [Там же: 83].

Не случайно именно подход Щербы, позволяющий совмещать разные принципы классификации частей речи, стал активно использоваться в практике школьного образования. Очевидно, что, с точки зрения носителя русского языка, деление слов на части речи происходит с учетом как формального, так и семантического подхода.

Тем не менее строгий подход Фортунатова к научной классификации, попытка построения логически четких классов слов, основанных на формальных признаках, привлекала большое число последователей, которые защищали фортунатовское учение о частях речи, стараясь избавиться его от противоречий. В частности, горячий сторонник фортунатовской школы М.В. Панов вслед за Фортунатовым определяет части речи как «грамматические классы слов», ведь «каждая часть речи имеет свой набор грамматических значений, именно им она отличается от других частей речи» [Панов 1999: 117]. Опираясь на лексическое значение при определении частей речи, по мнению Панова, неверно, ведь разные части речи могут иметь одно и то же лексическое значение, отражать

один фрагмент окружающей действительности: *синь — синева — синий — синее — синё* [Там же].

М.В. Панов пытается объяснить некоторые противоречия фортунатовской классификации: в частности включение инфинитива как неспрягаемой формы глагола в класс неизменяемых слов. Панов предлагает рассматривать инфинитив как глагольную «внеличную форму», противопоставленную личным и безличным глагольным формам: *капать — капает — капало* [Там же: 129]. Таким образом, личные, безличные и внеличные формы объединяются в грамматическую категорию, характеризующую глагол как часть речи, и в этой категории инфинитив занимает отведенное ему место.

Проблему с несклоняемыми существительными, попавшими также в класс неизменяемых слов, Панов предлагает решать следующим образом. Как известно, прилагательное повторяет грамматические значения существительного, будучи согласованным с ним в роде, числе и падеже: *нового дома, новому дому* и т.п. Поскольку прилагательное лишь повторяет форму существительного, можно предположить, что прилагательное, согласуемое с несклоняемым существительным, не должно изменяться, поскольку несклоняемое существительное не меняет своей формы. Однако это не так: *новое пальто, в новом пальто, к новому пальто* и т.п. Почему меняется форма прилагательного при неизменной форме существительного? М.В. Панов предполагает, что в данном случае существительное имеет набор нулевых флексий (формально невыраженных), а форма прилагательного повторяет эти флексии.

Любопытно, что, придерживаясь в целом фортунатовской классификации частей речи, М.В. Панов добавляет к четырем классам еще два — числительные и аналитические прилагательные. Числительные выделяются в особую часть речи, так как не имеют форм рода и числа. Аналитические прилагательные представляют собой новый класс слов, появившийся в русском языке, по мнению Панова, как следствие движения русского языка по пути к аналитизму. Традиционно прилагательное определялось как слово, согласуемое с существительным в роде, числе и падеже, т.е. прилагательное повторяло грамматические значения существительного: *доброго человека, доброму человеку* и т.п. Однако аналитические

прилагательные не меняют своей формы: *платье беже, платье беже, цвет хаки, цветом хаки* и т.п. Панов определяет аналитические прилагательные как «аналитические определители, несклоняющиеся прилагательные» [Панов 1999: 152].

Таким образом, М.В. Панов отстаивает идею Ф.Ф. Fortunatova о том, что части речи — это грамматические классы, ведь «все слова, принадлежащие к одной части речи, объединяет грамматическая идея» [Там же: 117]. Теория Fortunatova, по мнению Панова, «позволяет верно осветить грамматический строй языка» [Там же: 115], ведь грамматика, в отличие от лексики, основывается на форме, структурирующей, объединяющей, выражающей совокупности грамматических значений. Грамматика формирует структуру языка, именно поэтому формальный подход, разработанный Fortunatovым, приобретает наибольшую объяснительную силу и становится основой оригинальной лингвистической теории.

Не случайно краеугольным камнем своей теории Fortunatov выбрал понятие формы слова, ведь материальное изменение, наблюдаемое отличие одной словоформы от другой могло стать фундаментом научной концепции устройства языка, лишенной субъективизма, фантазий и домыслов. Последовательная опора на форму слова, пристальное внимание к формальным различиям, способствовали становлению формальной fortunatovской школы. В этом смысле показательна история о том, как однажды Fortunatov восхищенно рассказывал коллегам о замечательном в лингвистическом отношении санскритском тексте, который ученый прочитал накануне. Филипп Федорович восхищался редкими формами редуцированного перфекта и каузативных глаголов, дезидеративными глаголами и лаконичными конструкциями локативус абсолютус (*locativus absolutus*), а когда коллеги поинтересовались, о чем был текст, Fortunatov не мог вспомнить... Эту историю нам довелось слышать от профессора Московского университета О.С. Широкова. Сложно сказать, произошло ли это событие на самом деле, или это одна из вымышленных историй, всегда сопровождающих жизнь легендарных личностей, да это и не важно, ведь возникнуть такой сюжет мог лишь благодаря

пристальному вниманию Fortunatova к форме текста, к попытке за изменчивыми языковыми фактами рассмотреть принципы устройства языка и динамику его исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В.М. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. — М., 2018.

Березин Ф.М. Некоторые собственно лингвистические взгляды Ф.Ф. Fortunatova // Березин Ф.М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX — начало XX в.). — М., 1968.

Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. — М., 2010.

Оленич Р.М. Александрийская грамматическая школа // История лингвистических учений. Древний мир. — Л., 1980. — С. 214–232.

Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. — М., 1999.

Fortunatov Ф.Ф. Сравнительное языковедение: общий курс. — М., 2010.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. — М., 1957.

REFERENCES

Alpatov V.M. Yazykoznanie: Ot Aristotelya do komp'yuternoy lingvistiki [Linguistics: From Aristotle to computational linguistics]. Moscow, 2018. (In Rus.)

Berezin F.M. Nekotoryye sobstvenno lingvisticheskiye vzglyady F.F. Fortunatova [Some of the proper linguistic views of F.F. Fortunatov]. In *Berezin F.M. Ocherki po istorii yazykoznaviya v Rossii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Berezin F.M. Essays on the history of linguistics in Russia (late XIX — early XX century)]. Moscow, 1968. (In Rus.)

Buslaev F.I. O prepodavanii otechestvennogo yazyka [On the teaching of the native language]. Moscow, 2010. (In Rus.)

Olenich R.M. Aleksandriyskaya grammaticheskaya shkola [Alexandrian Grammar School]. In *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Drevniy mir* [History of Linguistic Studies. Ancient world]. Leningrad, 1980, pp. 214–232. (In Rus.)

Panov M.V. Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka [Positional morphology of the Russian language]. Moscow, 1999. (In Rus.)

Fortunatov F.F. Sravnitel'noye yazykovedeniye: obshchiy kurs [Comparative linguistics: general course]. Moscow, 2010. (In Rus.)

Shcherba L.V. O chastyakh rechi v russkom yazyke [On parts of speech in the Russian language]. In *Shcherba L.V. Izbrannyye raboty po russkomu yazyku* [Shcherba L.V. Selected works in the Russian language]. Moscow, 1957. (In Rus.)